

REVUE DES ÉTUDES SLAVES

TOME QUATRE-VINGT-DIXIÈME

Fascicule 3

PARIS

2019

REVUE DES ÉTUDES SLAVES

TOME QUATRE-VINGT-DIXIÈME (2019)

Fascicule 3

Images de la sainteté, images du péché dans le monde orthodoxe, XVIIe-XVIIIe siècles

Introduction, par Pierre GONNEAU

SMIRNOVA Victoria, POLO de BEAULIEU Marie-Anne, Prêcher par l'image dans la Russie des XVIIe-XVIIIe siècles : l'exemple de la femme au dragon
Preaching with Images in 17th- and 18th-Century Russia. A Case Study: The Woman Riding the Dragon

TCHENTSOVA Vera, Tel qu'en lui-même ? Modèle et chronologie des représentations du patriarche Théophane de Jérusalem
Reflective of his true self? Model and chronology of patriarch Theophanes of Jerusalem's depictions

MAIZULS Mikhail, Les portraits dangereux. Agentivité des images du diable au Moyen Âge dans l'Occident médiéval et dans la Russie des XVIIe-XVIIIe siècles
Dangerous portraits. Agentivity of demonic imagery during Middle Ages in medieval West and in 17th-18th century Russia

*

* *

TERNOVSKY Eugène, Témoignage d'un royaliste. Le duel de Puškin, vu par Alfred de Falloux
Testimony of a royalist. Pushkin's duel, from Alfred de Falloux's perspective

LOCMANT Patrice, Jules Verne et la Pologne
Jules Verne and Poland

ZALAMBANI Maria, К вопросу о причинах раннего распространения психоанализа в дореволюционной России
About the causes of the rapid diffusion of psychoanalysis in pre-revolutionary Russia

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАННЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ*

Maria ZALAMBANI
Université de Bologne, Italie

В своей «Истории психоаналитического движения» 1914 г. Фрейд утверждал, что в период с 1902 по 1910 гг., когда в Европе психоанализ наталкивался на сильное сопротивление, в России он, напротив, пользовался большим успехом: «В России психоанализ повсеместно известен и популярен; почти все мои труды, равно как и работы других аналитиков, переведены на русский язык»¹. На Западе же, за исключением основных своих двух центров – Вены и Цюриха – психоанализ повсюду встречал жесткую критику. Франция меньше всех была склонна к восприятию нового метода; в

* Перевод источников на русский язык наш, за исключением отдельно оговорённых случаев.

1. З. Фрейд, «История психоаналитического движения (1914)», Его же, *Собрание сочинений в 26 томах* (гл. ред.: М. Решетников), СПб., Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2006, т. II, с. 128. В настоящий момент в рамках этого издания опубликованы тома с первого по пятый; цитаты из не вошедших в данные тома сочинений Фрейда приводятся по изданию: З. Фрейд, *Собрание сочинений: в 10 т*, М., ООО Фирма СТД, 2003-2008.

Об истории психоанализа в России ср. С. Н. Шпильрейн, «Русская литература [По психоанализу] (1921)», С. Н. Шпильрейн, *Психоаналитические труды*, Ижевск, ERGO, 2008, с. 236-246; G. A. Pollock, «Psychoanalysis in Russia and the USSR: 1908-1979», *Annual of Psychoanalysis*, n° 10, 1982, p. 267-279; А. М. Эткинд, *Эрос невозможно. История психоанализа в России*, М., Гнозис, 1994; A. Angelini, *La psicoanalisi in Russia. Dai precursori agli anni Trenta*. Napoli, Liguori, 1988; В. М. Лейбин, «История психоанализа в России», его же, З. Фрейд, *Психоанализ и русская мысль*, М., Республика, 1994, с. 3-12; M. Miller, *Freud and the Bolsheviks*, London, New Haven, 1998; В. М. Лейбин (ред.), *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*, М., Воронеж, НПО «МОДЭК», 2000; И. В. Овчаренко, «История российского психоанализа и проблемы её периодизации», И. В. Овчаренко, В. М. Лейбин (ред.), *Антология российского психоанализа*, М., Флинта, 1999, т. II, с. 448-456; А. Белкин, А. Литвинов, «К истории психоанализа в советской России», И. В. Овчаренко, В. М. Лейбин (ред.), *Антология российского психоанализа*, ук. соч., т. II, с. 296-309; Д. С. Рождественский, *Психоанализ в российской культуре*, СПб., ВЕИП, 2009; И. Е. Сироткина, *Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века*, М., НЛЮ, 2009; С. Рихебехер, «Сабина Шпильрейн – пионер психоанализа и детского анализа», С. Ф. Сироткин (ред.), *Ежегодник истории и теории психоанализа*, Ижевск, ERGO, 2009, т. III, с. 53-68; П. С. Гуревич, «Психоанализ в России», С. Ф. Сироткин (ред.), *Ежегодник истории и теории психоанализа*, ук. соч., т. III, с. 69-78; А. А. Пружинина, Б. И. Пружинин, «Из истории отечественного психоанализа», И. В. Овчаренко, В. М. Лейбин (ред.), *Антология российского психоанализа*, ук. соч., т. II, с. 273-294.

Великобритании интерес к нему научных сообществ развивался крайне медленно; в Италии начало было многообещающим, но сразу укорениться психоанализу не удалось. В Германии тоже сопротивление официальной медицины было очень сильным: ни одно государственное образовательное учреждение не принимало новую теорию; лишь немногие институты приютили ее в своих стенах².

В России ситуация была иной: здесь психоанализ прижился довольно скоро и приобрел характер крупного культурного явления, нередко выходящего за рамки медицинской практики. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы исследовать факторы, обусловившие столь быстрое распространение психоанализа, в надежде поспособствовать восполнению лакуны, до сих пор существующей в изучении социокультурной истории психоанализа в России.

Приступая к рассмотрению причин данного феномена, мы сталкиваемся с факторами различного характера, как культурного, так и социально-экономического. И, если интеллектуальная атмосфера серебряного века, в которой появился и получил развитие психоанализ, была уже частично изучена³, то другие культурные составляющие, в том числе, эффект сближения между языком литературы и языком психоанализа в литературоцентричной культуре, до сих пор не становились предметами исследования. Мы попробуем рассмотреть различные аспекты этого сближения, раскрывая их в контексте культуры того времени и показывая, как они способствовали укоренению фрейдистского дискурса на русской земле. Факторы социально-экономического характера, подготовившие благодатную почву для рецепции и быстрого усвоения психоанализа в России, пока также не исследованы⁴. История русского психоанализа до сих пор не рассматривалась в контексте социальных изменений, начавшихся в России с эпохи великих реформ шестидесятых годов XIX века, повлекших за собой те метаморфозы, в процессе которых сформировались новые ментальные схемы, необходимые для принятия и усвоения фрейдистского метода⁵. Этот аспект также будет предметом нашего анализа в данной статье.

2. З. Фрейд, *История психоаналитического движения*, ук. соч., с. 127-129.

3. А. М. Эткинд, *Эрос невозможного*, ук. соч., с. 41-79; Д. С. Рождественский, *Психоанализ в российской культуре*, ук. соч., с. 41-44.

4. Ситуация с психоанализом в Европе и Америке, напротив, неоднократно освещалась в серьезных трудах по социальной истории, из которых упомянем здесь: P. Gay, *Education of the Senses. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud*, New York – London, W. W. Norton & Company, 1999; П. Гай, *Фрейд, М., Албука-Аттикус*, 2016; P. Gay, *Freud for Historians*, New York, Oxford University Press, 1985; P. Gay, *Schnitzler's Century. The Making of Middle-class Culture 1815-1914*, New York – Norton, 2002; E. Zaretsky, *Secrets of the Soul. A Social and Cultural History of Psychoanalysis*, New York, Vintage, 2005.

5. P. Gay, *Schnitzler's Century...*, *op. cit.*

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

На заре XX столетия русская культура, в силу множества сопутствующих друг другу факторов, была особо предрасположена к восприятию такого научного метода, который бы исследовал глубинный мир бессознательного. Поэты и писатели вторглись в сферу психики и бессознательного в человеке еще до возникновения психоанализа; именно русская литература в первую очередь привлекала внимание читателей к проблеме бессознательного задолго до открытия Фрейда⁶. Дебаты по половому вопросу, вспыхнувшие в конце XIX столетия⁷, эсхатологические поиски конца девятнадцатого – начала двадцатого века⁸ и символизм подготовили почву для исследования глубинного мира бессознательного во фрейдистском понимании этого термина⁹. В то же время, сфера изобразительных искусств также обратилась к изучению бессознательного: для художников авангарда его изучение подразумевало отдаление, уход от мира предметов в сторону абстракции, как это доказывает абстракционизм В. В. Кандинского, М. Ф. Ларионова, Н. С. Гончаровой и К. С. Малевича. Вслед за Фрейдом авангард обращался к примитиву как к источнику идентичности; зарождался примитивизм, представленный в России теми же Малевичем, Ларионовым и Гончаровой¹⁰. Среди всех упомянутых культурных направлений внимание привлекает, прежде всего, символизм, так как он был особенно близок к учению Фрейда. Как утверждает Эткинд:

Оба эти интеллектуальные движения пытались [символизм и психоанализ] описать невыразимое, осознать бессознательное. В них обоих преобладала интуиция второй реальности, находящейся внутри человека и глубоко отличной от того, что знает здравый смысл¹¹.

В этой культурной атмосфере распространителями и адресатами психоаналитического дискурса стали представители интеллектуальной элиты. Речь идет о европеизированной, даровитой, творческой интеллигенции, переживавшей ренессанс в эпоху серебряного века¹². Первопроходцами

6. Д. Ранкур-Лаферьер, *Русская литература и психоанализ*, М., Ладомир, 2004; A. Brintlinger, « Russian attitudes toward psyche and psychiatry (1887-1907) », A. Brintlinger, I. Vinitzky (eds.), *Madness and the Mad in Russian Culture*, Toronto, University of Toronto Press, 2007, p. 173-191; A. Angelini, « Inconscio e teorie psicoanalitiche nella Russia contemporanea », *Rivista di Psicoanalisi*, n° 1, 2002, p. 161-179.

7. В. П. Шестаков (ред.), *Русский эрос или философия любви в России*, М., Прогресс, 1991; ср. также И. Кон, *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России*, М., Время, 2010; O. Matich, *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle*, Madison, University of Wisconsin Press, 2005.

8. J. Scherrer, « L'intelligentsia russe : sa quête de la "vérité religieuse du socialisme" », *le Temps de la réflexion*, n° 2, 1981, p. 113-152.

9. А. М. Эткинд, *Эрос невозможного*, укр. соч., с. 41-79; Д. С. Рождественский, *Психоанализ в русской культуре*, укр. соч., с. 41-44; В. М. Лейбин, *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*, укр. соч., с. 305-522; И. Кон, *Клубничка на березке*, укр. соч.

10. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 156-157.

11. А. М. Эткинд, *Эрос невозможного*, укр. соч., с. 77.

12. J. Scherrer, « L'intelligentsia dans l'historiographie: entre révolution et spiritualité », *la Revue russe*, n° 30, 2008, p. 9-32.

психоанализа в тот период были врачи, глубоко интересовавшиеся гуманитарным знанием и нередко получавшие образование в крупных европейских университетах, в частности, в Германии, Австрии и Швейцарии, где наряду с медициной они постигали также европейскую философию, литературу и искусство (главным образом, в немецкоязычных странах). Европейское образование сочеталось в них с русской культурой, подвергаясь неизбежным изменениям, которые обычно происходят при переходе от одного культурного пространства к другому. Этот переход всегда стимулирует процесс семиотизации при пересечении границы семиосферы¹³. Поэтому, на наш взгляд, изменения, претерпеваемые психоанализом в России, свидетельствуют о том, что модель, по которой этот научный метод импортировался из германского мира, подобна модели, по которой в России усваивались и преобразовались немецкие гуманитарные дисциплины с 1880 по 1920 гг. (благодаря в основном Веселовскому, Жирмунскому и неокантианству) и которая означала не просто усвоение и перенос данных дисциплин на новую почву, но и их трансформацию и реконструкцию в российской среде¹⁴.

Кроме того, следует напомнить, что фрейдистская идея бессознательного предвосхищалась у немецких философов-идеалистов, у поэтов-романтиков, у Шопенгауэра¹⁵, а также была освящена долгой традицией в русской философской мысли¹⁶. Так, в 1860 г. философ Петр Лавров связал проблему бессознательного с искусством¹⁷. Позднее, на рубеже XIX и XX веков, в русской философской традиции прочно утвердились идеи Ницше, который, объясняя мотивы человеческих поступков, разграничивал сознательное и бессознательное начала. В России его система была ассимилирована и переосмыслена, в результате чего немецкий мыслитель стал властителем дум серебряного века¹⁸. Вся философия символизма была пронизана идеями Ницше, открывшими дорогу русскому модернизму, чье возникновение совпадает по времени с рождением психоанализа. Евро-

13. Ю.М. Лотман, *Семиосфера*, СПб, Искусство СПб, 2000, с. 262.

14. См. M. Espagne, « De la philologie allemande à l'anthropologie russe 1880-1920 », *Cahiers du monde russe*, 51/4, 2010, p. 493-506. О европейском влиянии на гуманитарные и общественные науки в России начала XX века ср. тематический выпуск: « Sciences humaines et sociales en Russie à l'Âge d'argent », *Cahiers du monde russe*, 51/4, 2010.

15. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 15-40.

16. В. М. Лейбин, *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*, ук. соч., с. 422-433.

17. П. Л. Лавров, *Философия и социология. Избранные произведения в двух томах*, М., Мысль, 1965, т. I, с. 543.

18. Р. Ю. Данилевский, « Русский образ Ницше », Ю. Д. Левин (ред.), *На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград, Наука, 1991, с. 5-43; И. В. Кондаков, Ю. В. Корж, « Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века », *Общественные науки и современность*, № 6, 2000, с. 176-186; Ю. Синеокая, *Три образа Ницше в русской культуре*, М., ИФРАН, 2008; Э. Клюс, *Ницше в России. Революция морального сознания*, СПб., Академический проект, 1999; B. G. Rosenthal (ed.), *Nietzsche in Russia*, Princeton, Princeton University Press, 1986; B. Rosenthal, *Nietzsche and Soviet culture: ally and adversary*, Cambridge – New York, Cambridge University Press, 1994.

пейский модернизм, который во всех своих проявлениях (абстрактное искусство, кубизм, футуризм, символизм и т.д.) восставало против утилитаризма и академизма и стремилось созерцать внутренний мир человека и решать внутренние проблемы искусства¹⁹, обретает в «Толковании сновидений» Фрейда метафору этих изменений:

Все новые течения конца столетья: физическое отмежевание индивидуума от конкретного места и времени, новая возможность высвобождения инстинктов, взрывная сила сексуальности, создание сложных внутренних миров, которые никак не воспроизводили внешнюю действительность – были запечатлены на этих страницах. Этот новый способ человеческого бытия, вскоре получивший название «модернизм», изменил либеральную традицию девятнадцатого столетья²⁰.

Кроме искусства и философии, психоаналитический дискурс затронул и литературу. Как утверждал один из первопроходцев психоанализа, Н. Е. Осипов, «психиатр, психолог и поэт [...] имеют один и тот же предмет своего интереса – душевную жизнь человека»; у них общий основной метод: «самонаблюдение и наблюдение других людей» и «одна общая цель: постижение душевных процессов человека в их закономерной взаимозависимости, разыскивание движущих сил в душе человеческой; коротко говоря, попытка найти ключ к пониманию личности»²¹. Отношения между психоанализом и литературой не только являются, на наш взгляд, ключевыми для понимания закономерностей рецепции психоанализа в России, но и обладают особой спецификой именно потому, что складываются внутри литературоцентричной культуры.

Согласно нашей гипотезе, взаимодействие между психоанализом и литературой в России осуществлялось, главным образом, на двух уровнях. На первом уровне психоанализ, пользуясь литературоцентризмом российского общества, пытался распространить свой дискурс посредством художественной литературы²². На втором уровне интерес к литературе со стороны русских психоаналитиков вызывался не только их высокой гуманитарной культурой, но и неосознанным влечением к дисциплине, язык которой был очень близок к языку бессознательного. Это сходство между литературой и психоанализом увлекало не только узко-профессиональную медицинскую среду, и в результате идеи Фрейда становились особо близки и родственны разным слоям общества.

19. P. Gay, *Modernism. The lure of heresy*, New York – London, Norton and company, 2008.

20. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 38.

21. Н. Е. Осипов, «Двойник. Петербургская поэма» Ф. М. Достоевского, Ижевск, ERGO, 2012, с. 19.

22. И. Е. Сироткина, *Классики и психиатры*, ук. соч., с. 132-134; М. Заламбани, И. Лелли, *Федор Достоевский в интерпретации Татьяны Розенталь: предвосхищение Фрейда*, Ижевск, ERGO, 2016. CD-ROM / PDF; М. Заламбани, И. Лелли, «Литература и психоанализ в России. Николай Осипов и “Записки сумасшедшего” Льва Толстого», *Осипов-альманах: исследования, комментарии, публикации*, Ижевск, ERGO, 2015, вып. 1, с. 115-141.

На первом уровне, в силу литературоцентризма, русские психоаналитики, обращаясь к произведениям отечественных классиков, черпали оттуда примеры и распространяли с их помощью теорию Фрейда. Психоанализ достигал русской аудитории через эти литературные примеры, которые вызывали в сознании читателя культурные реминисценции, хранившиеся в его памяти, и создавали атмосферу близости и родства, способствуя восприятию фрейдистского дискурса, несмотря на его революционное содержание и ошеломляющие рассуждения о бессознательном и о роли сексуальности. Так, Осипов, желая ввести проблематику двойничества как особой психической реальности, обращается к «Двойнику» Достоевского, а для описания состояния тревоги, заканчивающейся панической атакой, прибегает к «Запискам сумасшедшего» Толстого. Аналогичным образом, Т. К. Розенталь, задолго до выхода статьи Фрейда «Достоевский и отцеубийство», в работе «Страдание и творчество Достоевского» доказывает тезис, что Достоевский был подвержен аффективной, а не органической эпилепсии, а И. Д. Ермаков посвящает ряд работ Пушкину, Гоголю и Достоевскому, исследуя их с психоаналитической точки зрения²³.

На втором уровне родство между психоанализом и литературой обрело особую ценность в рамках русской культуры. Во всех европейских странах между ними сразу же установился взаимообмен, в процессе которого психоанализ черпал материалы и приемы в литературе, а она, в свою очередь, пользовалась методом Фрейда в качестве инструмента литературной критики. Таким образом, «Психоанализ использовал художественное слово в своих целях, но взамен предоставлял ей способ озарения»²⁴. Как языковая структура, так и семиотическая природа фрейдистского метода, отбирающего знаки и приметы для наблюдения и интерпретации, имеет аналогии с литературой. «Сон [...] – это *текст*, и текст, наделенный смыслом»; язык сновидений является для Фрейда «значимой и интенциональной языковой структурой»²⁵.

Если использовать герменевтический подход, изучающий фрейдовские тексты, для того, чтобы доказать родство между языком литературы и языком бессознательного, то между обоими обнаружатся многочисленные аналогии; данный подход особо продуктивен для изучения ситуации в России.

23. Н. Е. Осипов, «Двойник. Петербургская поэма», ук. соч.; Н. Е. Осипов, «“Записки сумасшедшего”». Незаконченное произведение Л. Н. Толстого», отдельный оттиск журнала *Психотерапия*, 1913. Труды, в которых Осипов трактует литературные сюжеты в психоаналитическом ключе приводятся в библиографии, содержащейся в работе: С. И. Сироткин (ред.), *Осипов альманах. Исследования, комментарии, публикации*, Ижевск, ERGO, 2015, с. 180-221. Т. К. Розенталь, *Страдание и творчество Достоевского (1920)*, Ижевск, ERGO, 2011. Ср. также Л. Р. Кадис, «Я молода, я живу, я люблю...»: трагедия Татьяны Розенталь, Ижевск, ERGO, 2018; С. Майер, *Достоевский на кушетке*, Ижевск, ERGO, 2017. И. Д. Ермаков, *Психоанализ литературы. Пушкин Гоголь Достоевский*, М., НЛО, 1999.

24. F. Orlando, *Per una teoria freudiana della letteratura*, Torino, Einaudi, 1992, p. 171 ; cf. J. Starobinski, «Psychanalyse et critique littéraire», *Preuves*, n° 181, 1966, p. 21-32.

25. M. Lavagetto, *Freud la letteratura e altro*, Torino, Einaudi, 1985, p. 151-152.

Развивая мысль таких лингвистов, как Бенвенист²⁶ и Якобсон²⁷, а также психоаналитика и философа Лакана, по мнению которого все образования бессознательного имеют структуру языка²⁸, некоторые ученые показали родство между языком литературы и языком бессознательного²⁹. В этой перспективе «Толкование сновидений» и «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейда содержат главные доказательства того, что психоанализ есть язык и только в этом качестве он может быть полезен для изучения литературы. Отсюда следует, что психоанализ располагает стратегиями литературного дискурса и прибегает к таким ее художественным и риторическим приемам, как «задержание» (узнавание, подготавливаемое постепенно и наступающее в произведении с задержкой³⁰), метафора, метонимия, синекдоха. Кроме того, психоанализ – это семиология, основанная на исследовании признаков патологии и их семиотических манифестаций, царящих в области бессознательного: снов, симптомов, оговорок и остроумных высказываний³¹.

Самым значимым произведением Фрейда с этой точки зрения является «Остроумие и его отношение к бессознательному», основанное на идее «сообщающегося языка», предполагающего осознанное и добровольное общение (в отличие от сна или оговорки, где общение не является осознанным). Если сон, оговорка и остроумное высказывание являются текстами, то психоанализ говорит на том же языке, что и литература, и этот фактор становится определяющим для его рецепции в русской культуре. Мишель де Серто говорит о романном характере фрейдистской доктрины и утверждает, что «психоаналитический роман» является не-пространством, где разворачивается теоретический дискурс, который, выстраивая гипотезу

26. Э. Бенвенист, «Заметки о роли языка в учении Фрейда», его же, *Общая лингвистика*, М., Прогресс, 1974, с. 115-126.

27. Р. Якобсон, «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений», Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина (ред.), *Теория метафоры: сборник*, М., Прогресс, 1990, с. 110-132.

28. Ж. Лакан, *Функция и поле речи и языка в психоанализе*, М., Гнозис, 1995; Лакан, *Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда*, М., Русское феноменологическое о-во, 1997.

29. Cf. F. Orlando, *Per una teoria freudiana della letteratura...*, *op. cit.*; Lavagetto, *Freud la letteratura e altro...*, *op. cit.*; A. Serpieri, «Freud e la retorica del motto», *id.*, *Retorica e immaginario*, Parma, Pratiche, 1986, p. 37-52; Serpieri, «L'approccio psicoanalitico: alcuni fondamenti e la scommessa di una lettura», M. Lavagetto (ed.), *Il testo moltiplicato*, Parma, Pratiche, 1982, p. 49-73. Этот подход предполагает выход за рамки модели Фрейда, которая ограничивалась интерпретацией литературы как огромной сокровищницы, откуда можно черпать материалы. Великие романы превращались у него в истории болезни: так, в работе «Бред и сновидения в "Градиве" В. Йенсена» Фрейд утверждал, что «Писатель представил нам совершенно корректный психиатрический этюд, по которому мы можем мерить наше понимание душевной жизни, истории болезни и выздоровления, словно предназначенный для усвоения некоторых фундаментальных учений врачебной психологии» (З. Фрейд, «Бред и сновидения в "Градиве" В. Йенсена», его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, ук. соч. т. X, с. 43). Литература также снабжала его материалами для разработки теории психоанализа: так, например, в работе *Достоевский и отцеубийство* Фрейд использовал биографию автора для построения дискурса о психогенезе эпиплегии, то есть, отталкиваясь от частного случая, развивал анализ проблемы общего характера.

30. В. Б. Шкловский, *О теории прозы*, М., Советский писатель, 1983, с. 34-57.

31. F. Orlando, *Per una teoria freudiana della letteratura...*, *op. cit.*, p. 211.

реальности и исторических процессов, производит действительность³². Новому учению были присущи некоторые типичные особенности романного жанра, а клинические истории Фрейда, по его собственному утверждению, воспринимались как повести, лишённые научной достоверности³³. Именно поэтому Фрейд обратился к жанру романа, и психоаналитический дискурс обрел форму «теоретического вымысла»³⁴. Так, на первый взгляд, парадоксальным образом, вырабатывая свой дискурс в сфере художественного вымысла, Фрейд боролся за признание в академическом мире и за то, чтобы его доктрине был приписан статус науки³⁵. Кажущееся противоречие разрешалось тем фактом, утверждает де Серто, что «фрейдистский дискурс [...] – это вымысел, который возвращается к серьёзной науке»³⁶, так как литература – это пространство, в котором теория подвергается проверке, а реальность обретает свою форму: литературный дискурс – это «дискурс, придающий форму реальности»³⁷.

Именно 'романный характер' психоаналитического дискурса и родство между языком литературы и языком психоанализа вызывают в России особый отклик, в силу литературоцентричного характера русской культуры. В начале XX в. роман и художественная литература в целом доминируют в культурном поле и пользуются в России авторитетом куда большим, чем в Европе. Поэтому психиатров-психоаналитиков, воспитанных на культуре серебряного века, особым образом интересует одновременно научный и «романный» дискурс. «Литературный» характер психоаналитического дискурса вызывает фамильярные ассоциации в их читательском сознании и сразу же начинает их привлекать.

Родство между литературой и психоанализом в России имеет и еще один аспект: мультидисциплинарный характер обоих языков. Как русская литература привлекает под своим кровом различные общественные науки: социологию, психологию, политологию³⁸ – так и психоанализ является пограничной областью знания, вторгающейся в сферы искусства, психологии наций, религии, социологии, антропологии. Сам Фрейд осознавал, что создал гибридную теорию:

Когда увидели свет «Толкование сновидений» и книга об остроумии, сразу стало ясно, что психоаналитические теории не умещаются в рамках

32. M. de Certeau, *Histoire et psychanalyse entre science et fiction*, 3e édition, Paris, Folio, 2016, p. 125.

33. З. Фрейд, «Истории болезни. Фрейлейн Элизабет фон Р.», его же, *Собрание сочинений в 26 томах*, укр. соч., т. I, с. 198.

34. M. de Certeau, *Histoire et psychanalyse...*, *op. cit.*, p. 128.

35. П. Гай, *Фрейд*, укр. соч., с. 252-259; Фрейд, «Сопrotивление психоанализу (1925)»; его же, *Собрание сочинений в 26 томах*, укр. соч., т. II, с. 193-205.

36. M. de Certeau, *Histoire et psychanalyse...*, *op. cit.*, p. 129.

37. *Ibid.*, p. 67

38. М. Берг, *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*, М., Новое литературное обозрение, 2000, с. 183-200.

медицины и могут найти применение в самых разных гуманитарных науках³⁹.

Философская, антропологическая, социологическая и психологическая направленность психоанализа оказалась благотворной для его распространения в России и, в то же время, способствовала тому, что данный феномен порой обретал скорее культурный, нежели медицинский характер. По утверждению Фрейда, русский психоанализ с самого начала позиционировал себя как широкое явление, лишенное глубоких научных корней:

Впрочем, говорить о глубоком постижении аналитических теорий в России пока рано. Статьи русских врачей, посвященные психоанализу, пока что ничем не примечательны. Один только психоаналитик М. Вульф, работающий в Одессе, прошел специальную подготовку⁴⁰.

В настоящее время тезис о том, что культурный аспект психоанализа затмевал медицинский аспект, защищается Д. Рождественским, по мнению которого «психоанализ [...] складывался прежде всего как психоанализ культуры, социума (отсюда преобладание культурологической темы над клинической)»⁴¹.

Еще один фактор, определявший преимущественно культурный характер русского психоанализа, заключался в образовании врачей (и психиатров) того времени. Психиатров считали не просто врачами, но и просветителями, которые должны были озарять светом своих знаний самые отдаленные уголки России; специальные научные познания сочетались в них с солидным гуманитарным образованием. Вот что писал С. С. Корсаков в своем «Курсе психиатрии»:

Ведь общественное значение врачей, особенно русских, не ограничивается только тем, что они являются ценителями болезней и охранителями здоровья. Получив не только специальное, но и общее образование в высших просветительных учреждениях Государства, они сами являются распространителями просвещения в множестве уголков нашего обширного отечества⁴².

Наиболее ярким представителем этого первого поколения психиатров, которые не только были подкованы в гуманитарных науках, но и либерально настроены и увлечены социальными вопросами, можно считать врачаобщественника Корсакова, поддерживаемого своими ближайшими

39. З. Фрейд, *История психоаналитического движения*, ук. соч., с. 120. Это вторжение в область гуманитарного знания и было причиной остракизма, которому подвергла теорию Фрейда официальная медицинская наука. Ср. З. Фрейд, «Спротивление психоанализу (1925)», его же, *Собрание сочинений в 26 томах*, ук. соч., т. II, с. 193-205.

40. З. Фрейд, *История психоаналитического движения*, ук. соч., с. 128.

41. Рождественский, *Психоанализ в российской культуре*, ук. соч., с. 76. Думается, что данная гипотеза нуждается в дополнительном исследовании, хотя некоторые российские психоаналитики высказывали нам в личном общении готовность согласиться с ней. Пока же ограничимся тем, что наметим эту проблему как еще один повод к размышлению.

42. С. С. Корсаков, *Курс психиатрии*, М., Тип. Рихтеръ, 1901, с. 9.

сотрудниками; упомянем лишь самых известных из них – Н. Н. Баженова и В. П. Сербского. От этой группы отцов-основателей русской психиатрии отпочковалось следующее поколение, давшее немало психоаналитиков, в том числе, Н. А. Вырубова, А. Н. Бернштейна, Н. Е. Осипова, И. Д. Ермакова и Т. К. Розенталь: некоторые из них и начали обращаться к классическим произведениям русской литературы в целях распространения психоанализа⁴³. Показателен в этом смысле случай Осипова: сложившись как специалист в психиатрической школе С. С. Корсакова, он был убежден в том, что «важно и полезно для врачей-психотерапевтов изучение классических произведений литературы, в частности, русской литературы и, главным образом, гениальных созданий Л. Н. Толстого»⁴⁴. Человек гуманитарной культуры, он впоследствии пришел к тому, чтобы трактовать психоанализ в философском ключе: отталкиваясь от учения Толстого-проповедника, на основании которого Осипов определял «этическо-философскую психотерапию» как один из возможных путей психотерапии⁴⁵, в итоге он примкнул к философии Н. О. Лосского, позволившей ему разработать свою концепцию любви как абсолютной ценности⁴⁶. И. Д. Ермаков, бывший не только психиатром, но и художником, и литературоведом, глубоко причастным духу серебряного века, в 1921 г. организовал «Кружок по изучению художественного творчества психоаналитическим методом»⁴⁷. А Т. К. Розенталь совмещала психоаналитическую практику с сочинением стихов и большой общественной нагузкой⁴⁸.

Группа русских психоаналитиков отличалась своей приверженностью культуре до самого конца: когда в 1922 г. возникло Русское психоаналитическое общество, среди его членов-основателей числились профессор литературы И. И. Гливенко, профессора искусствоведения А. Г. Габричевский и А. А. Сидоров, профессор математики О. Ю. Шмидт, профессор физики Н. Е. Успенский, литератор (и революционер-большевик) А. К. Воронский, психолог П. П. Блонский и педагог С. Т. Шацкий, а также психиатры М. В. Вульф, И. Д. Ермаков, Ю. В. Каннабих, врач Л. Я. Белобородов и некоторые политические деятели, в том числе, Г. П. Вейсберг и В. А. Невский⁴⁹.

43. Ср. сноску 24; И. Е. Сироткина «Из истории русской психотерапии: Н. Е. Осипов в Москве и Праге», *Вопросы психологии*, № 1, 1995, с. 74-83.

44. Н. Е. Осипов, «Психотерапия в литературных произведениях Л. Н. Толстого. Отрывок из работы “Толстой и медицина”», отдельный отгиск из журнала *Психотерапия*, М., 1911, с. 21.

45. Н. Е. Осипов, «О навязчивой улыбке (1912)», Его же, *Психоаналитические и философские этюды*, М., Академический проект, 2015, с. 306.

46. Ср. Н. Е. Осипов, *Психоаналитические и философские этюды*, ук. соч., в частности, с. 361-488.

47. Д. С. Рождественский, С. Ф. Сироткин, «Иван Дмитриевич Ермаков: контуры биографии и творчества», *Медицинская психология в России*, № 2, 2011, medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_2_7/номер/nomer20.php (28.01.2018).

48. Л. Р. Кадис, «Я молода, я живу, я люблю...», ук. соч., с. 15-16.

49. Список членов основателей РПСАО (1922), И. В. Овчаренко, В. М. Лейбин (ред.), *Антология российского психоанализа*, ук. соч., т. II, с. 642.

Проанализировав различные аспекты родства между психоанализом и русской литературой, мы приходим к выводу, что это родство можно рассматривать как ключевую составляющую рецепции фрейдистского дискурса в среде русской культурной элиты; кроме того, очевидно, что комбинация целого ряда социально-исторических факторов также сыграла существенную роль в укоренении этого дискурса в русском обществе.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

На заре нового столетия в результате социально-экономического развития второй половины XIX в. поведенческие и ментальные схемы изменились, и общество уже созрело для восприятия психоанализа. С другой стороны, как утверждает П. Гай, «Фрейд был не только ниспровергателем культуры, но и её детищем»⁵⁰.

Как говорилось выше, страница социальной истории русского психоанализа еще не написана, и наша работа остается пока первым шагом к ее осмыслению и попыткой заполнить эту нишу. Осознавая, что историческую ситуацию с психоанализом в России нельзя изучать строго по европейской или американской модели, предложенной в исследованиях Зарецкого и Гая, мы попытаемся рассмотреть феномен психоанализа в русском социальном контексте того времени.

В России психоанализ появился тогда, когда страна начала свой трудный путь к модерности, в то время как в Европе метод Фрейда совпал с наступлением второй промышленной революции⁵¹. Хотя само понятие модерности применительно к ситуации в России еще довольно размыто и является предметом дискуссий⁵², тем не менее, неопровержим тот факт, что развитие в направлении модерности началось здесь в позднеимперский период, а точнее, в эпоху великих реформ XIX века, когда Россия тоже встала на свой особый путь, свой «Sonderweg», ведущий ее к модерности⁵³. Это была запоздалая, но удивительно быстрая и широкомасштабная модернизация: она не ограничивалась отдельными элитарными слоями общества и несколькими крупными городами и осуществлялась, главным образом, по инициативе «просвещенной бюрократии»⁵⁴. Идея

50. P. Gay, *Education of the Senses...*, op. cit., p. 168.

51. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, op. cit., p. 13-113.

52. Международная дискуссия вокруг определения «модерности» недавно вновь вспыхнула после выхода книги М. Давида-Фокса (M. David-Fox) «Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union» (Pittsburgh 2015). Ср. также М. Дэвид-Фокс «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?», *НЛО*, № 4, 2016, magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna.html (19.01.2017); «Десять ответов на статью Майкла Дэвид-Фокса», *НЛО*, № 4, 2016, magazines.russ.ru/nlo/2016/4 (19.01.2017).

53. M. Malia, *Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, Cambridge (MA) – London, Harvard University Press, 1999, p. 103-111.

54. W. B. Lincoln, *In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats 1825-1861*, DeKalb, Northern Illinois University Press, 1982.

европеизации страны, которая начала проводиться в жизнь уже более полутора века назад, внезапно стала обретать форму, что привело к важным изменениям в жизни общества⁵⁵.

Факторов, вызвавших серьезные социальные перемены в России, немало, и среди них, в частности, присутствуют следующие: оставление земель многими дворянами после освобождения крестьян, развитие городов, рост ремесленного производства, появление новых профессий, возникновение женского вопроса, экспансия и расслоение системы образования, переориентация идеалов сентиментализма и романтизма на чувства и эмоции индивидуума, радикальные народнические идеи шестидесятых – семидесятых годов⁵⁶. Великие реформы шестидесятых годов XIX века привели к новой социальной стратификации населения, тяготевшей к уравниванию сословий и лишавшей дворянский класс некоторых привилегий (на это ориентировались судебная, военная и полицейская реформы). Так сформировалось пестрое и необычное буржуазное сословие – класс, морфологически отличавшийся от европейского и американского⁵⁷ и изменивший сам облик интеллигенции. Начиная с этого времени, об интеллигенции следует говорить во множественном числе. Г. М. Гамбург (G. M. Hamburg) пишет об интеллигенциях («intelligentsias») как о различных субстратах, которые наслаивались на «классическую интеллигенцию». К ней добавились «революционная интеллигенция», «земская интеллигенция», «профессиональная интеллигенция», «крепостная интеллигенция», «сельская интеллигенция», «народная интеллигенция» и «религиозная интеллигенция»⁵⁸.

Новую российскую интеллигенцию, подобно европейской, обуревала тревога, вызванная глубокими и дестабилизирующими переменами, которые затрагивали «науку, медицину, экономику, политику, правительство», а также проявлениями сексуальности⁵⁹. Начиная с восьмидесятых годов XIX века, медицинские журналы стали рассматривать проблемы дегене-

55. M. David-Fox, «Crossing borders», ук. соч., п. 53.

56. Б. Н. Миронов, *Российская империя: от традиции к модерну*, в 3 тт., СПб., Дмитрий Буланов, 2014-2015.

57. Все историки сходятся на том, что в России отсутствовала настоящая буржуазия, хотя и расходятся в интерпретациях этой проблемы. Так, Пипс (Pipes), по сравнению с европейской моделью, выделяет специфические черты общественных сословий в России, а Миронов подчёркивает аналогии последних с западной моделью (Ср. R. Pipes, *Russia under the Old Regime*, New York, Penguin Books, 1995; Б. Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.)*, в 2 т., СПб., Дмитрий Буланин, 2003). В целом, развитие российской буржуазии следует рассматривать в контексте системы «сословий» (Н. А. Иванова, В. П. Желтова, *Сословное общество российской империи*, М., Новый хронограф, 2009, с. 405-512; Б. Н. Миронов, *Российская империя: от традиции к модерну*, ук. соч., т. I, с. 323-504; A. Rieber, *Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1982).

58. G. M. Hamburg, «Russian Intelligentsias», W. Leatherbarrow, D. Offord (eds.), *A history of Russian thought*, Cambridge – New York, Cambridge University Press, 2010, p. 47. Шеппер (Scherrer) говорит о «различных группах» внутри интеллигенции (J. Scherrer, «L'intelligentsia russe...», *op. cit.*).

59. P. Gay, *Schnitzler's Century...*, *op. cit.*, p. 143-144.

рации нервной системы, эпидемии психиатрических заболеваний, массовой истерии⁶⁰. Завязалась серьезная врачебная дискуссия об этиологии этого состояния, причины которого вывлялись в «факторе дурной наследственности» или в дурной среде. Эта последняя, заключающаяся в радикальных преобразованиях, начавшихся с реформ 1860-х годов, которые привели к общему ускорению и усложнению жизни, составляла, по мнению врачей, причину всеобщей нервозности⁶¹. В ходе этой дискуссии, развивавшейся в общеевропейском пространстве, Фрейд предложил абсолютно новые решения, выдвинув гипотезу о том, что тревога является симптомом подавляемых проблем и, таким образом, утверждая, что за ментальными процессами скрываются ещё неизвестные нам механизмы, которые относятся не к сфере рассудка, а к динамическому бессознательному⁶².

Учение Фрейда предлагало ответы на вопросы не только медицинского, но и социального характера⁶³. Российское общество, как и европейское, искало в новой доктрине поддержки «трем великим обещаниям демократии», которые давала модернность: независимость, женская эмансипация, демократия⁶⁴. Если прежде считалось, что независимость заключается в самодисциплине, что существует различие между полами, и потому женская психология отличается от мужской, и, наконец, что для нормального функционирования общества необходима иерархия, то переход к модерности поставил под вопрос все три указанные пункта. Самодисциплина заменялась ослаблением торможений, различие между полами подвергалось сомнению, женщинам открывался доступ к общественному пространству, и, наконец, идеал иерархического государства подрывала идея демократии⁶⁵.

В социокультурных брожениях в России начала двадцатого века нашла отражение попытка отклика на первое «великое обещание демократии»: отказ от той самодисциплины и от той морали, которые вели к самоконт-

60. Р. Николози, «Нервный век: российская психиатрия конца XIX века и «вырождение» общественного организма», *НЛО*, № 1, 2018, magazines.russ.ru/nlo/2018/1/nervnyj-vek.html (21.10.2018); И. Паперно, *Самоубийство как культурный институт*, М., НЛО, 1999; R. D. Wessling, «Vsevolod Garshin, the Russian intelligentsia and fan hysteria», A. Brintlinger, I. Vinitsky (eds.), *Madness and the Mad in Russian Culture*, *op. cit.*, p. 75-89; D. Beer, *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity*, Ithaca – London, Cornell University Press, 2008; И. Е. Сироткина, *Классику и психиатры*, укр. соч.; L. Engelstein *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*, Ithaca – London, Cornell University Press, 1992; O. Matich, *Erotic Utopia...*, *op. cit.*

Литература также запечатлела эту атмосферу, как это доказывают, в частности, «Красный цветок» В. М. Гаршина или «Припадок» А. П. Чехова, проникнутые упадочническими настроениями русской интеллигенции 80-х годов.

61. Р. Николози, укр. соч. Николози отмечает, что, «в отличие от европейских психиатров, считавших неврастению болезнью современной жизни вообще [...], русские психиатры усматривали причину «эпидемического» распространения нервных заболеваний в России в «ненормальном» состоянии русского общества после реформ (Там же).

62. P. Gay, *Schnitzler's Century...*, *op. cit.*, p. 129-154.

63. Сф. И. Е. Сироткина Сироткина, *Из истории русской психотерапии*, укр. соч., с. 76-77.

64. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 115-245.

65. *Ibid.*, p. 7-8.

ролю и традиционно регламентировали жизнь общества. Великим вкладом Фрейда в этот процесс была разработка понятия «личного бессознательного», которое лежит в основе концепций личной жизни, частной сферы и индивидуума в его уникальности⁶⁶. Идея независимости, которая освящала бы индивидуальные стремления к свободе и счастью, охватила российское общество, начиная с его первичной ячейки – семьи⁶⁷. Ученый того времени, Н. Лазовский, в 1883 г. следующим образом описывал жажду индивидуальности и независимости, овладевшую русской семьей:

Мы застаем семью русского народа в переходном состоянии, в каком-то брожении патриархальных начал, колеблемых со стремлением задавленной ими отдельной личности выйти из них и занять самостоятельное положение⁶⁸.

Жесткий моральный кодекс русского дворянства, описанный Лотманом⁶⁹, сменился желанием и поведением нарождающегося внесемейного типа личности, которая выделяет в своей жизни пространство для чувств, для частной сферы, для секса, для желания самоутверждения. В процессе перехода от сельскохозяйственного производства к капиталистической промышленности мужчины и женщины начали больше ориентироваться на личную жизнь. Фрейд побуждал их оставить в прошлом семью (архаические образы раннего детства) и начать развивать более аутентичные отношения. Переход от брака по расчету к браку по любви представляется нам наглядным симптомом этого процесса⁷⁰.

Вторым «обещанием модерности», которому соответствовал психоанализ, была женская эмансипация, которая подразумевала отказ от идеи различий между полами и утверждалась благодаря тому, что женщинам стал открыт доступ к общественному пространству и в обществе сформировалось новое отношение к сексуальности. Новая женщина мечтала о личной жизни, основанной не на равенстве, а на индивидуальности в частной, любовной и половой сферах⁷¹. В позднеимперской России женщины начали требовать такой половой жизни, у которой была бы не только

66. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 15-18.

67. B. Engel, *Between the fields and the city. Women, work, and family in Russia, 1861-1914*, Cambridge [UK] – New York, Cambridge University Press, 1994; D. Ransel (ed.), *The Family in Imperial Russia*, Urbana, University of Illinois Press, 1978; B. Engel, *Breaking the ties that bound*, Ithaca, Cornell University Press, 2011; М. Заламбани, *Институт брака в творчестве Л. Н. Толстого*, М., РГГУ, 2017, с. 63-74, 151-160.

68. Н. Лазовский, «Личные отношения супругов по русскому обычному праву», *Юридический вестник*, № 6-7, 1883, с. 359.

69. Ю. М. Лотман, «О семиотике понятий “стыд” и “страх” в механизме культуры», его же, *Семиосфера*, ук. соч., с. 664-666.

70. М. Заламбани, *Институт брака*, ук. соч.

71. E. Zaretsky, *Secrets of the Soul...*, *op. cit.*, p. 43. Об истории женщин в России ср. Н. Л. Пушкарева, *Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.)*, М., Ладомир, 1997; Н. Л. Пушкарева, «Женщина в русской семье: традиции и современность», В. А. Тишков (ред.), *Семья, гендер, культура*, М., Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997, с. 187-197; Н. Л. Пушкарева, *Русская женщина: история и современность*, М., Ладомир, 2002.

сугубо репродуктивная функция, и личную жизнь предпочитали семейной. Принцип индивидуальности в сфере чувств сделал семью менее авторитарным институтом: она стала базироваться на эмоциональных ценностях, которые затрагивали как горизонтальную ось (супруги), так и вертикальную (родители-дети). Вступление женщины в мир работы изменило ее роль не только в семье, но и в обществе. В результате промышленного бума девяностых годов женщины начали трудиться на фабриках, и уже в 1914 г. примерно каждый пятый рабочий принадлежал к женскому полу. Новый тип поведения в отношениях внутри пары ввел новый сексуальный дискурс, который начал распространяться в России в девяностые годы XIX века с выходом «Крейцеровой сонаты» Толстого и произведений В. В. Розанова⁷². Дискуссия по этому вопросу ширилась и охватила петербургский религиозно-философский кружок (Розанов, Белый, Брюсов, Блок, Бердяев, Флоренский), просочившись во всю культуру серебряного века. Хотя фрейдистский дискурс и потряс основы прежнего представления о сексуальности, в России он вписался в уже идущую дискуссию и обращался к интеллигенции, давно ставившей эти вопросы и готовой воспринять новое учение.

По-видимому, психоанализ был откликом и на третье «великое обещание модерности» – требование демократии. Традиционному патерналистскому, иерархическому и основанному на семье авторитету, на котором базировалась вся система царской России, серьезно угрожали сами постулаты психоаналитического метода. Конфликт с фигурой отца проецировался на все общество и, таким образом, в нем намечались новые отношения с властью, особенно в той части русской интеллигенции, которая всегда была враждебна царскому самодержавию. Это были, главным образом, интеллектуалы, получившие заграничное образование и глубоко проникнутые западноевропейской культурой, которые наблюдали зарождение современных западных демократий и на заре двадцатого века выдвинули требования аналогичных перемен в России, как показали это революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. В той атмосфере переосмысления социальной действительности, которая наступила вслед за русско-японской войной и крахом революции 1905 г., когда культурная элита начала размышлять о собственной роли и функции в культурной истории страны, психоанализ представлял собой альтернативу: с одной стороны, он был реакцией на репрессивную обстановку, установившуюся сразу после подавления революции; с другой – в новой среде он стал рупором радикальных настроений, воодушевлявших интеллигенцию начала века⁷³. В

72. М. Заламбани, *Институт брака*, ук. соч., с. 141-226.

73. М. Ljunggren, « The psychoanalytic breakthrough in Russia on the eve of the First World War », D. Rancour-Laferriere (ed.), *Russian literature and psychoanalysis*, Amsterdam – Philadelphia, J. Benjamins Pub. Co, 1989, p. 175-176.

этом контексте открытие фрейдистской концепции «переноса/трансфера»⁷⁴ в связи с Эдиповым комплексом предлагало новый ключ к интерпретации отношений с властью⁷⁵. Эти отношения у российских психиатров всегда были конфликтными, особенно, если они работали в сфере земской медицины; ведь, в отличие от своих западных коллег, которые в основном занимались частной практикой, российские психиатры находились на государственной службе, и это главная причина, по которой они были одним из наиболее радикально настроенных слоев интеллигенции⁷⁶. Психиатры, трудившиеся в земствах, досконально узнавали и обличали здравоохранительную систему, пребывавшую в ужасных условиях, и выявляли в ней проблемы, связанные с нуждой и социальной несправедливостью, которые выходили за рамки здравоохранения. Опыт работы в земствах сформировал новое медицинское сословие, породившее многих будущих приверженцев психоанализа: в частности, Н. Н. Баженова, Н. А. Вырубова и Н. Е. Осипова⁷⁷.

В этом социальном контексте Первая мировая война сыграла двоякую роль: с одной стороны, ее материальные условия препятствовали распространению психоаналитического дискурса, замедляя этот процесс; с другой, проблема военных травм позволила психоанализу сказать новое, прежде неслыханное слово и тем самым составить конкуренцию официальной медицине. Данная проблема уже возникала в годы русско-японской войны, но международный конфликт мирового масштаба вывел ее на первый план. Распознавая последствия военной травмы в душевных заболеваниях, психиатры ставили вопрос о важности психологической составляющей в противовес чисто органической интерпретации душевной болезни, укорененной в медицине до тех пор. Фундаментальный вклад в разработку этой проблематики внес О. Б. Фельцман, одним из первых начавший дискуссию о военном психозе. Фельцман, занимавшийся кли-

74. Ж. Лапланш, Ж-Б Понталис, *Словарь по психоанализу*, М. – СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2016, с. 384-392.

75. Примером литературного переноса такого бунта является «Петербург» Андрея Белого (писавший с 1911 по 1912 гг.), где частный конфликт между отцом и сыном проецируется на уровень социума, на бунт студента против государственного человека и иерархии в целом.

76. И. Сироткина, «Российские психиатры на первой мировой войне», Э. И. Колчинский и др. (ред.), *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны*. СПб., Нестор-История, 2007, с. 326-337; F. Miller, *Freud and the Bolsheviks*, *op. cit.*, p. 3-18.

77. А. А. Пружинина, Б. И. Пружинин, «Из истории отечественного психоанализа», ук. соч., с. 276-277. Н. Н. Баженов (1857-1923) – психиатр, профессор, с 1898 до 1901 гг. возглавлял отделение психиатрии в больнице Воронежского земства. Сам он не был психоаналитиком, но интересовался этим методом, завязал переписку с Фрейдом и воспитал нескольких психиатров-психоаналитиков, в числе которых были Вырубов, Осипов, Фельцман. Н. А. Вырубов (1869-1918) – психиатр, невролог и психоаналитик. С 1901 по 1907 гг. был директором психиатрической клиники в Воронежском губернском земстве и преподавал психиатрию в земских институтах. Что касается Н. Е. Осипова, то его отец был одним из основоположников земской медицины, и это сильно повлияло на формирование его взглядов. Подробно о биографии Осипова ср. отдельно в работе: С. И. Сироткин, И. Н. Чиркова, «Николай Евграфович Осипов: очерк жизни и трудов», С. И. Сироткин (ред.), *Осипов альманах*, ук. соч., с. 10-76.

нической практикой во время Первой мировой войны, в 1914 г. опубликовал статью, в которой рассматривал этиологию военного психоза и утверждал, что среди наиболее распространенных его причин – «ужас, страх перед болью, опасностью быть искалеченным, убитым (тревожное ожидание, неожиданность травмы)»⁷⁸, то есть причины неорганического свойства. В ходе своего развития эта дискуссия побудила нескольких психиатров, в том числе, Вырубова и Розенталь, обратиться к фрейдистскому дискурсу⁷⁹ и подарить психоанализу неслыханную доселе возможность: выйти на медицинскую арену в попытке добиться признания официальной науки⁸⁰. Но у этой возможности не было никакого будущего, так как вскоре к материальным трудностям военного периода прибавилась Октябрьская революция. Последняя открыла абсолютно новую и оригинальную страницу в международной истории психоанализа, когда государство попыталось воспользоваться учением Фрейда для реализации своего плана по формированию нового человека, но при этом столкнулось с тем фактом, что сами принципы психоанализа были абсолютно несовместимы с большевистскими проектами; однако эта тема находится уже за пределами настоящего исследования.

Перевод с итальянского К. Ланда

78. О. Б. Фельцман, «К вопросу о психозах военного времени», *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 1914, кн. 4, с. 541.

79. Н. А. Вырубов, «К постановке вопроса о психозах и психоневрозах войны», *Психиатрическая газета*, № 5, 1915, с. 70-72. Т. К. Розенталь в 1915 г. на заседании Общества психиатров заметила, что «случаи истерии военного времени подтверждают мнение Freud'a о зависимости истерии от травм как этиологического момента» (Ср. Л. Р. Кадис, «Я молода, я живу, я люблю...», ук. соч., с. 27).

80. И. Е. Сироткина, «Российские психиатры на первой мировой войне», ук. соч., с. 326-344.